

НАИМЕНОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК В АСПЕКТЕ МОТИВИРОВАННОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ XVII–XVIII ВВ. И СОВРЕМЕННЫХ ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРОВ

Д. Н. Гальцова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются наименования хозяйственных построек в воронежских говорах в аспекте мотивированности. На материале синхронного и диахронного срезов проводится систематизация выявленных лексем. Отмечаются особенности функционирования зафиксированных слов в современных воронежских говорах и документах деловой письменности XVII–XVIII веков. На примере указанной тематической группы анализируются принципы номинации и выявляются мотивировочные признаки. В ходе исследования подчеркивается осознание диалектоносителями внутренней формы слова и влияние данного осознания на словарный состав диалектного языка. В заключение делается вывод о зависимости сохранения лексем и значений от наличия мотивированности.

Ключевые слова: хозяйственные постройки, принципы номинации, мотивированность, лексика, синхронный срез, диахронный срез, воронежские говоры.

Abstract: the article discusses the names of outbuildings in Voronezh dialects in the aspect of motivation. Based on the material of synchronous and diachronic sections, the systematization of the identified tokens is carried out. The peculiarities of the functioning of fixed words in modern Voronezh dialects and business writing documents of the XVII–XVIII centuries are noted. Using the example of this thematic group, the principles of nomination are analyzed and motivational signs are identified. The study highlights the awareness of dialect speakers of the inner form of the word and the influence of this awareness on the vocabulary of the dialect language. In conclusion, it is concluded that the preservation of tokens and values depends on the presence of motivation.

Keywords: outbuildings, principles of nomination, motivation, vocabulary, synchronous section, diachronic section, Voronezh dialects.

Лексическая система языка является наиболее подвижной, так как она непосредственно связана с деятельностью человека, следовательно, подвержена преобразованию практически непрерывно. Одним из важных процессов, влияющих на развитие словарного состава языка, становится процесс изменения семантики слов. На протяжении нескольких веков значения могут расширяться, сужаться, сдвигаться либо сохраняться в первоначальном виде. Такие изменения обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Доля влияния каждой конкретной причины на развитие семантики зависит от состава тематической группы и временного отрезка, на котором происходит сбор материала, поэтому для комплексного исследования семантических процессов необходим анализ лексем в различных аспектах при четком определении тематики и очерчивании периода бытования слов, что становится основанием для определения цели данной работы — рассмотреть наименования хозяй-

ственных построек, фиксирующиеся в XVII–XVIII вв. и современных воронежских говорах, в аспекте мотивированности, а также проследить зависимость сохранности значений лексических единиц от осознания или неосознания диалектоносителями внутренней формы слова.

Термин *внутренняя форма слова* является опорным для мотивологии и понимается исследователями по-разному. Традиционным истолкованием можно назвать следующее: «внутренняя форма слова — это один из ярких, бросающихся в глаза признаков предмета, который положен в основу наименования» [1]. Развёрнутое определение данного термина даёт О. И. Блинова: «внутренняя форма слова — это морфосемантическая структура слова, включающая морфемный состав и выражаемое им мотивационное значение и обуславливающая рациональность связи его звуковой оболочки и лексического значения» [2, 32].

Многими исследователями отмечается, что внутренняя форма служит средством реализации *мотивированности* слова. О. И. Блинова определяет

мотивированность как «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать обусловленность связи значения (семемы) и звуковой оболочки слова (лексемы) на основе соотносительности слова с языковой и неязыковой действительностью» [3, 186–187]. И. С. Торопцев отмечает, что «мотивированность связана с мотивировочным признаком, а не с классификационным» [4, 79]. Под *мотивировочным признаком* понимается «выраженный в слове непосредственно или опосредованно номинационный признак обозначаемого» [5, 24]. На основе обобщения мотивировочных признаков формируется *принцип номинации*, который является исходным правилом и одновременно базой для новых наименований [5, 28].

Обращение к принципам номинации в лексике, связанной с наименованиями хозяйственных помещений, неслучайно. Данные постройки

являются значимой частью материальной культуры русского народа, они характеризуются многообразием способов построения и различным функционалом. Однако в настоящее время изменяется уклад жизни, другими становятся особенности сельскохозяйственного производства и ведения домашнего хозяйства, поэтому присутствие большого количества надворных построек перестает быть обязательным даже в сельской местности, вследствие чего слова, составляющие тематическую группу, выходят из употребления, их значения трансформируются, что подчеркивает важность изучения данного пласта лексики.

Источниками материала исследования послужили: 1) «Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв.» В. И. Хитровой, т. 1–4, 2021–2022 гг. [6]; 2) «Словарь воронежских говоров», вып. 1–3, 2004–2019 гг. [7]; 3) картотека «Словаря воронежских говоров» (с 1946 г. по настоящее время); 4) персональная картотека автора (с 2015 г. по настоящее время). Всего было выявлено 98 наименований хозяйственных построек в современных воронежских говорах и 65 наименований — в документах воронежской деловой письменности.

Рассмотрим принципы номинации выявленных лексем.

I. Мотивированные наименования.

1. Номинация по названию животных, которые содержатся в данных постройках: *вол* — *воловолик*, *волонья* ‘помещение для содержания волов’, ‘помещение для содержания скота’ (современные говоры) — ‘помещение для содержания волов’ (XVII–XVIII вв.); *гусь* — *гусятник* ‘помещение для содержания гусей’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *жеребенок* — *жеребятник* ‘помещение для содержания жеребят’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *коза* — *козлавка* ‘помещение для содержания коз’ (XVII–XVIII вв.); *конь* — *конюшень*, *конюшня* ‘помещение для содержания лошадей’ (XVII–XVIII вв. и современные го-

воры); *корова* — *коровник* ‘помещение для содержания коров’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *курица*, диал. *кура* — *курник*, *курятник* ‘помещение для содержания кур’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *кролик* — *крольчатник* ‘помещение для содержания кроликов’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *лошадь* — *лошадник* ‘помещение для содержания лошадей’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *овца* — *овчарух*, *овчарник*, *овчарня* ‘помещение для содержания овец’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры), *овчарень* ‘помещение для содержания овец; овечий хлев’ (XVII–XVIII вв.); *свинья* — *свинарка*, *свинарник*, *свинарня*, *свинух*, *свиношник*, *свинятник*, *свиновник* ‘загон или помещение для содержания свиней’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *теленки* — *телятник* ‘помещение для содержания телят’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *утка* — *утятник* ‘помещение для содержания уток’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры).

2. Номинация по местонахождению называемой реалии: *бок* — *боковка* ‘чулан, пристроенный к боковой стене избы для складывания продуктов или скарба’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *кут* ‘угол’ — *закута* ‘помещение для содержания скота; хлев’, ‘отгороженное место для скота’, ‘коровник’, ‘конюшня’, ‘свинарник’, ‘подсобное помещение хозяйственного назначения; чулан, кладовая’, ‘пристройка к дому’, ‘туалет’ (современные говоры) — ‘помещение для мелкого скота’, ‘постройка для хранения продовольствия, инвентаря, сырья; кладовая’ (XVII–XVIII вв.); *навес* — *поднавес* ‘крытый загон, навес’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *погреб* — *погребец*, *погребица*, *погребка* ‘наземная постройка над погребной ямой’, ‘погреб’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *клеть* — *приклет* ‘пристройка к клетки, амбару и другим хозяйственным помещениям’ (современные говоры) — ‘пристройка к клетки, амбару и другим хозяйственным помещениям’, ‘крыльцо перед амбаром’ (XVII–XVIII вв.), *приклеток* ‘пристройка к клетки, амбару и другим хозяйственным помещениям, как правило, для хранения муки’ (современные говоры) — ‘пристройка к клетки, амбару и другим хозяйственным помещениям’, ‘навес у ворот’ (XVII–XVIII вв.), *подклет* ‘погреб’, ‘подвал’ (современные говоры) — ‘нижний этаж жилой или хозяйственной постройки’ (XVII–XVIII вв.); *ледник* ‘погреб, набиваемый льдом’ — *поледница* ‘наземная постройка над ледником’ (XVII–XVIII вв.).

3. Номинация по содержанию в постройке сельскохозяйственной продукции, корма, инвентаря: *жито* — *житник*, *житница* ‘помещение для хранения зерна и других припасов’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры), *житня* ‘помещение для хранения зерна и других припасов’, ‘емкость для хранения зерна или муки’ (современные говоры) — ‘помещение для хранения зерна и других припасов’ (XVII–XVIII вв.); *колос* → ассоциативная связь с зерном — *колосник*

‘небольшое помещение для хранения зерна’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *хомут* — *нахомутник* ‘постройка для хранения конской упряжи’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *полова* ‘отходы при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков; мякина’ — *половень*, *половня* ‘постройка для хранения сена и соломы’, ‘постройка для обмолота зерна’, ‘постройка для хранения сельскохозяйственного инвентаря’ (современные говоры) — ‘постройка для хранения половы, соломы’ (XVII–XVIII вв.); *сено* — *сенник*, *сенница* ‘помещение для хранения сена’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *солома* — *соломянка* ‘помещение для хранения соломы’, ‘помещение для хранения корма скоту’ (современные говоры) — ‘помещение для хранения соломы’ (XVII–XVIII вв.).

4. Номинация по способу построения помещения: *мазать* — *мазанка* ‘сарай, обмазанный глиной’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *плести* — *плетнюшка* ‘загон для крупного рогатого скота, сплетенный из хвороста’ (современные говоры).

5. Номинация по названию материала, используемого в построении: *саман* ‘кирпич из глинистого грунта с добавлением соломы’ — *саманка* ‘помещение для содержания скота, сделанное из самана’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что слова и значения в большинстве своем не изменяются на протяжении четырех столетий, если их внутренняя форма остается прозрачной. Обширную группу таких лексем составляют **наименования, имеющие номинацию по названию животных**, которые содержатся в данных постройках: *гусятник*, *жеребятник*, *конюшень*, *конюшня*, *коровник*, *курник*, *курятник*, *крольчатник*, *лошадник*, *овчарух*, *овчарник*, *овчарня*, *свинарка*, *свинарник*, *свинарня*, *свинушник*, *свинятник*, *телятник*, *утятник*. Названия домашних животных, находящихся в данных постройках, поддерживают устойчивую ассоциативную связь с назначением помещения, вследствие чего лексемы, как правило, сохраняются и значения их не изменяются. Однако отмечены наименования, которые имеют прозрачную внутреннюю форму, но не фиксируются в современных говорах, вероятнее всего, утрачены (*козлавка*, *овчарень*). Кроме того, в некоторых современных воронежских говорах слова *воловник*, *воловня* расширили свое значение, стали обозначать помещение для содержания не только волов, но и остального скота. Возможно, здесь повлиял экстралингвистический фактор: в настоящее время в Воронежской области волов в качестве домашних животных практически перестали держать, следовательно, сохранившееся из прошлого название не находит применения, происходит семантический перенос на основе метонимии.

Сохраняется также большая часть значений лексем, имеющих **номинацию по содержанию в постройке продукции, корма, инвентаря**: *житник*, *житница*, *колосник*, *нахомутник*, *сенник*, *сенница*.

Однако в некоторых случаях сохранения значения не происходит, оно расширяется, подстраиваясь под новые реалии. *Житней* уже может называться не только помещение для хранения зерна, но и емкость для хранения зерна или муки, так как отдельное помещение для данной продукции сейчас не является обязательным. Аналогичная ситуация происходит с семантикой слова *соломянка*: в настоящее время оно обозначает как традиционное помещение для хранения соломы, так и постройку для хранения любого корма, потому что современные небольшие домашние хозяйства не нуждаются в отдельном помещении конкретно для соломы. Лексемы *половень*, *половня* являются мотивированными словом *полова*, однако оно выходит из употребления в некоторых воронежских говорах, часто заменяется на более распространенное слово *мякина*, поэтому к экстралингвистическому фактору ненадобности построек со столь дробным функционалом добавляется собственно лингвистическая причина: мотивация данного наименования для диалектоносителей уже не является очевидной, в связи с чем происходит деэтимологизация и расширение значения идет быстрее, чем в двух предыдущих случаях, в дополнение к традиционному ‘постройка для хранения половы, сена и соломы’ добавляются новые — ‘постройка для обмолота зерна’ (значение сохраняет связь с *половой* как отходами от обработки зерна) и ‘постройка для хранения сельскохозяйственного инвентаря’ (значение не связано со словом *полова*).

Лексемы, мотивированные местонахождением называемой реалии, сохраняют значения, как правило, в том случае, если слово, обозначающее место, сохраняется в говоре: *бок* — *боковка*, *навес* — *поднавес*, *погреб* — *погребец*, *погребница*, *погребка*.

Интерес представляет слово *закута*. В современных воронежских говорах данная лексема является мотивированной, так как слово *кут* в значении ‘угол’ повсеместно распространено на исследуемой территории, однако, несмотря на это, в настоящее время отмечено существенное расширение значения лексемы *закута*: помимо традиционных для XVII–XVIII вв. значений (‘помещение для мелкого скота’, ‘постройка для хранения продовольствия, инвентаря, сырья; кладовая’), развиваются новые (‘отгороженное место для скота’, ‘коровник’, ‘конюшня’, ‘свинарник’, ‘пристройка к дому’, ‘туалет’). Это может быть связано с широкой семантикой слова, так как уже в XVII–XVIII вв. *кут* обозначало ‘угол в избе; конец, угол, выступ чего-либо’ и геогр. ‘конец залива’ [8, вып. 11, 93], то есть имело общее значение не только части какого-либо помещения, пространства между двумя сходящимися стенами, но и конца, периферии, отдаления в принципе, в связи с чем при сохранении осознания внутренней формы мотивировочный признак не способствовал закреплению первоначальных значений, происходило расширение семантики.

Слова *приклет* и *приклеток* связаны с лексемой *клеть*, которая в современных говорах является немотивированной и существенно расширяет своё значение, изначально имея широкую семантику на общерусской территории: 'помещение для хранения чего-либо'; 'небольшое жилое помещение'; 'монашеская келья' [8, вып. 10, 56]. На воронежской территории в XVII–XVIII вв. фиксируются более конкретные значения 'амбар, кладовая при доме', 'летнее помещение для спанья' [6, т. 2, 233]. Современные говоры, помимо приведенных, дают еще более обширный спектр значений: 'сарай для сена, соломы', 'помещение для скота, хлев', 'летняя кухня', 'отгороженная часть дома, где обычно спят незамужние девушки', 'надворная постройка, где собирались девушки', 'отгороженная часть постройки', 'жилая комната в доме', 'постройка, срубленная из бревен', 'нежилой дом'. Интересно, что производные слова *приклет* и *приклеток* в современных говорах имеют значение, логически следующее из первоначального обобщенного значения лексемы *клеть* с добавлением значения близости от приставки *при-*, то есть они всегда обозначают пристройку к клету, амбару и другим хозяйственным помещениям, но не обозначают пристройку к жилому строению или к огороженной части постройки.

Лексема *подклет* в современных говорах связь со словом *клеть* практически не сохраняет. Если в XVII–XVIII вв. так назывался нижний этаж жилой или хозяйственной постройки, то в говорах XX–XXI вв. данное наименование фиксируется лишь для обозначения погреба или подвала, что связано с экстралингвистическим фактором — утратой типа построения традиционных сельских помещений, имеющих два этажа. В отмеченном случае сохраняется лишь семантика низа (нижний этаж → погреб/подвал), в самом же значении происходит семантический сдвиг.

Номинации по способу построения и названию материала немногочисленны, поэтому данные для развернутого вывода об изменении значений в приведенных группах отсутствуют, однако можно предположить, что значения не станут поддерживаться ярким мотивировочным признаком, так как способы построения и названия строительных материалов не являются разнообразными и универсальными.

II. Немотивированные наименования.

Отметим, что в данном разделе отмечаются наименования, которые не являются мотивированными именно для современных информантов. Мы не исключаем, что в XVII–XVIII веках внутренняя форма некоторых из данных слов могла осознаваться носителями языка. Однако выявление сохранности, изменения либо утраты лексем, чему посвящено наше исследование, основывается на процессе развития семантики, следовательно, чтобы сделать вывод о причинах бытования или исчезновения наименований, важно рассмотреть восприятие слов диалектоносителями на современном этапе.

Ворок 'крытый или некрытый загон для содержания, как правило, крупного рогатого скота или лошадей в дневное или летнее время', 'помещение для скота', 'летнее стойбище домашних животных' (современные говоры) — 'огороженное место, загон с навесом для скота' (XVII–XVIII вв.).

По мнению М. Фасмера, связано со словами *вор*, *вора* 'забор, ограда' [9, т. 1, 350]. В. И. Даль также соотносит лексему *ворок* со словом *воры* и отсылает к глаголу *варять* 'упреждать, опереживать, предварять, предостерегать, оберегать' [10].

По мнению А. Е. Аникина, данное слово восходит к праславянскому **vorъ*, -*a* 'ограждение, загон, жердь для изгороди' (вост.), 'мешок, связка' (в основном зап.) от **verti*, **vъrъ* 'закрывать, запира́ть', 'плести' [11, 229]. Ученый отмечает, что семантические различия дают основания думать и о независимой деривации от **verti* в разных славянских диалектах. Он также отмечает родство с литовским *vāras* 'жердь (для забора)', 'планка для укрепления двери, стола и т.п., скрепка', *vārai* мн. 'жерди, колья' [11, 229].

Интерес представляет оборот *не ходити в воры* в следующем контексте: «[крестьяне] ... и в воры на лоси, и на медвѣжьѣ, и на волчьѣ и на лисьѣ поля не ходять» (1599) [12, 28]. Толкуется в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» как 'нести повинности в качестве загонщика в облавной охоте'. А. Е. Аникин отмечает, что слово *воры* обозначает здесь, возможно, засеки, ограждения при охоте загонном [11, 229].

Таким образом, вероятно, изначально *ворок* — это то, что огорожено. Данное значение сохраняется в XVII–XVIII вв., повсеместно бытует в современных воронежских говорах, но по принципу смежности развиваются другие значения: 'помещение для скота', 'летнее стойбище домашних животных'.

Котух 'помещение для содержания овец', 'помещение для содержания мелкого рогатого скота', 'помещение для содержания кур', 'помещение для содержания домашних животных (любых)', 'крытое хозяйственное строение; сарай, в котором могли спать летом', 'конура для собаки' (современные говоры) — 'помещение для скота' (XVII–XVIII вв.).

Слово *котух* связывается М. Фасмером с *котец* 'кошель, запруда для ловли рыбы'; в других славянских языках: укр. *котець* 'закол для ловли рыбы', сербохорв. *котац* 'небольшой хлев для ягнят, козлят, курятник', чеш. *kot*, *kotec* 'маленький дом', польск. *kofec* 'курятник, перегородка в хлеву' [9, т. 2, 354]. Считается родственным авест. *kata-* 'комната, кладовая', нов.-перс. *kad* 'дом' [9, т. 2, 351]. Однако Ф. П. Филин придерживается мнения о том, что слово *котух* образовалось от глагола *котиться* 'производиться на свет (об овцах и др. животных)' [13, 123].

Развернутая информация об этимологии анализируемого слова представлена в «Этимологическом словаре славянских языков». Отмечается, что ранее приоритетной была версия о германских исто-

ках славянского **kotъ* ‘закут, хлев’ [14, 211]. Однако удовлетворительная германская этимология отсутствует, вероятный германский источник слова указать трудно. Кроме того, славянское слово не могло быть заимствовано из прагерманской формы, которая имела вид **kut-/kaut-*, а более близкие по форме и значения немецкие *Kote, Kate*, нидерландское *kot* ‘хижина’, английское *cot* ‘хижина, хлев’, норвежское *kot* ‘комнатушка, загородка’ не могли быть заимствованы либо по хронологическим ограничениям (слово относится к праславянскому периоду), либо по ограничениям лингвистической географии [14, 211–212]. Авторы словаря говорят о том, что трудно отрицать близость слов и значений иранского *kata-* ‘(подземное) помещение’ и славянского **kotъ*, **kotъсь* ‘закут, хлев’, так как древним хлевом для мелких животных у славян был, видимо, род землянки, как и преимущественно «земляночным» было древнее жилище самих славян [14, 212]. Таким образом, сближаются слова **kotъ* и **xata*, отмечается, что слово *xata* до настоящего времени в некоторых говорах сохраняет «земляночное» значение. Делается вывод о древнем заимствовании формы **kotъ* из иранского [14, 212].

В современных воронежских говорах у слова *котух* наблюдается конкретизация значения ‘помещение для скота’, так как выявляются следующие значения: ‘помещение для овец’, ‘помещение для кур’, ‘помещение для мелкого рогатого скота’.

Царина ‘огороженное место для скота’ (XVII–XVIII вв.), в современных русских воронежских говорах не фиксируется.

Данная лексема, по мнению В. И. Хитровой, была заимствована воронежскими говорами из украинского языка [15, 118]. В. И. Даль отмечает указанное слово с пометой «новороссийское» в значении ‘пахотная степь, поле или выгон’ [10]. В. П. Бурнашев об интересующей нас лексеме сообщает следующее: «1. В Новороссии называют так часть дачи, где производится посев и блюдетс для сенокосов трава. 2. В прямом значении — жниво, в пространственном же смысле под словом *царина* разумеется всё пространство, где есть посеянный хлеб или снятый, только не более одного года. 3. В южной России так называются поля, засеянные зерновым хлебом и засеваемые много лет сряду» [16, 325]. А. А. Москаленко отметил данное слово со значением ‘поле, нива’ в молдавских грамотах XV века, причем отметил его как диалектное образование: «А хотар томоу... *черес царину на копану могилу*» [17, 55]. Лексему *царина* А. А. Москаленко рассматривает как молдаванизм [17, 55].

М. Фасмер указывает, что слово заимствовано из румынского *țarină* ‘пашня’ [9]. Сходная точка зрения присутствует также в «Этимологическом словаре украинского языка»: «запозичення з румунської мови; рум. *țarină* ‘поле, лан, нива, рілля’, як и *țară* ‘країна, область, край, місцевість’, походити від лат. *terra* ‘земля;

край, країна’» [18, 228–229]. Отметим, что первоначальные значения слова *царина* связаны с полем, пашней, то есть с сельскохозяйственными угодьями, однако уже в XVII–XVIII веках на воронежской территории развивается значение, напрямую не связанное с возделываемым участком земли: ‘огороженное место для скота’. Здесь нельзя не отметить сближение со словом *царай* в значении ‘сарай’, распространенным на исследуемой территории. В настоящее время в современных русских воронежских говорах слово *царина* не фиксируется ни в одном из значений.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что прослеживается определенная зависимость сохранности значений лексических единиц от осознания или неосознания диалектоносителями внутренней формы слова. Как показывает анализ материала, в большинстве случаев значения слов остаются неизменными на протяжении четырех веков при условии осознаваемой мотивированности лексемы: номинация по названию животных, которые содержатся в данных постройках (*гусятник, жеребятник, конюшень, конюшня, коровник, курник, курятник, крольчатник, лошадиный, овчарух, овчарник, овчарня, свинарка, свинарник, свинарня, свинушник, свинятник, телятник, утятник*), номинация по содержанию в постройке сельскохозяйственной продукции, корма, инвентаря (*житник, житница, колосник, нажомутник, сеник, сеница*), номинация по местонахождению называемой реалии (*боковка, поднавес, погребец, погребица, погребка*). Однако даже при мотивированности значения могут не сохраняться и трансформироваться в следующих случаях: 1) при частичном процессе деэтимологизации (*половень, половня* — в одних говорах осознается связь со словом *полова*, в других — утеряна); 2) при мотиваторе с изначально расширенной семантикой (*кут* — *закута*; *клеть* — *приклет, приклеток*); 3) при влиянии экстралингвистических факторов (*воловник, воловня, соломянка*).

Немотивированные лексемы в подавляющем большинстве случаев расширяют значения, так как их внутренняя форма не привязана к какой-либо конкретной реалии (*ворок, котух*), либо утрачиваются в современных говорах (*царина*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня; АН СССР; ОЛЯ; общ. ред. ст. чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского. — М.: Учпедгиз, 1958. — 536 с.
2. Блинова О. И. Термин и его мотивированность / О. И. Блинова // Терминология и культура речи. — М.: Наука, 1981. — С. 28–36.
3. Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект / О. И. Блинова. — Томск: Издательство Томского университета, 1984. — 192 с.
4. Торопцев И. С. Лексическая мотивированность / И. С. Торопцев. — Екатеринбург: Уральский государствен-

ный университет, 1964. — 307 с.

5. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию / О. И. Блинова. — Томск: Издательство Томского университета, 1975. — 258 с.

6. Хитрова В. И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII веков / В. И. Хитрова; под общ. ред. И. Г. Добродомова. — Т. I–IV. — М.: Прометей, 2022–2023-.

7. Словарь воронежских говоров / Под ред. Г. Ф. Ковалева. — Вып. 1–3. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2004–2019-.

8. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР; Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Вып. 1–19-. — Л.-СПб.: Наука, 1984–2011-.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1964–1973.

10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1935.

11. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 8. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2014. — 352 с.

12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; редкол.:

С. Г. Бархударов и др. — Вып. 3.-М.: Наука, 1976. — 288 с.

13. Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров (по материалам сельскохозяйственной терминологии) / Ф. П. Филин. — Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1936. — 208 с.

14. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. — Вып. 11. — М.: Наука, 1984. — 220 с.

15. Хитрова В. И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII — первой четверти XVIII веков: дис. ... канд. филол. наук / В. И. Хитрова. — Воронеж, 1972. — 440 с.

16. Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабрики, промыслов и быта народного. Том II / В. П. Бурнашев. — Санкт-Петербург: Типография К. Жернакова, 1844. — 415 с.

17. Москаленко А. А. Лексично-семантичні діалектизми в молдавських грамотах XV в. / А. А. Москаленко // Праці XIII республіканської діалектологічної наради. — Київ: Наукова думка, 1970.

18. Етимологічний словник української мови / укладачі Г. П. Півторак, О. Д. Пономарів, І. А. Стоянов, О. Б. Ткаченко, А. М. Шамота. — Т. 6. — Київ: Наукова думка, 2012. — 566 с.

Воронежский государственный университет

Гальцова Д. Н., аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета

E-mail: Darij98@yandex.ru

Voronezh State University

Galtsova D. N., Postgraduate Student of the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology

E-mail: Darij98@yandex.ru